

4. Butorov A. N., Leonov A. I., Sofin A. A. The use of accounting information in identifying and documenting illegal activities related to the creation of “financial pyramids”. In: *Actual problems of using special knowledge in identifying and proving economic crimes. Collection of sci. articles of the interuniversity sci. and pract. conf.* Nizhny Novgorod, 2020. Pp. 24—27. (In Russ.)
5. Bandorina I. V., Igonina E. S. Negative consequences of violations of accounting rules for economic entities. In: *A collection of sci. articles on accounting, economic analysis and audit, dedicated to the anniversary of the Honored Professor of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doc. of Economics E. A. Mizikovskiy.* Ed. by I. E. Mizikovskiy, E. S. Druzhilovskaya, A. A. Bazhenov. Nizhny Novgorod, 2018. Pp. 50—54. (In Russ.)
6. Bandorina I. V. Methods of research of documentary data in the practice of disclosure of economic crimes. *Actual problems of combating crimes and other offenses*, 2018, no. 18-1, pp. 15—16. (In Russ.)
7. Golubyatnikov S. P., Bandorina I. V. The use of external sources of information in identifying and proving economic crimes. *Yurist-Pravoved*, 2020, no. 3(94), pp. 108—113. (In Russ.)
8. Zvezda I. I. Participation of a specialist in the investigation of fraud in the banking sector. *Izvestiya TulGU. Economic and legal sciences*, 2013, no. 4-2, pp. 216—223. (In Russ.)
9. Makarov A. V., Aleshkova V. A. Features and problems of qualification of fraud committed with the use of electronic means of payment. *Russian Judge*, 2019, no. 5, pp. 24—29. (In Russ.)
10. Urakov D. I. Fraud in receiving payments: requirements for proof. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2016, no. 1(35), pp. 193—198. (In Russ.)
11. Grigoryan A. A., Krikyan S. G., Lamkova A. A., Makletsova D. V. Problems of investigation of economic crimes. *Business. Education. Law*, 2020, no. 1(50), pp. 323—327. (In Russ.)
12. Sidorenko M. E., Rogulin Yu. P. Analysis of large data arrays in order to investigate the facts of fraud. *Russian Economic Bulletin*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 113—116. (In Russ.)
13. Sakhno Yu. S., Sapozhnikova A. V., Osmateskul A. O. Improving the detection of fraudulent schemes in financial statements. *Russian Economic Bulletin*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 162—167. (In Russ.)
14. Kreminskaya Yu. A. Documentary research of fraudulent schemes with the consequences of non-payment of taxes. *Auditor-skie Vedomosti*, 2020, no. 1, pp. 102—107. (In Russ.)
15. Yusupova O. A., Roznikova E. E. Counteraction of fraudulent schemes of legal entities in the banking sector. *Scientific electronic journal Meridian*, 2020, no. 9(43), pp. 352—354. (In Russ.)

Как цитировать статью: Леханова Е. С., Леонов А. И., Софьин А. А., Буторов А. Н., Соловьев О. Д. Использование экономико-криминалистических средств при доказывании мошенничества // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 206—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.241.

For citation: Lekhanova E. S., Leonov A. I., Sofin A. A., Butorov A. N., Solovev O. D. The use of economic and forensic means in proving fraud. *Business. Education. Law*, 2021, no. 2, pp. 206—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.241.

УДК 343.9, 130.2
ББК 67.7, 87.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.254

Ponomarev Sergey Borisovich,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Chief Researcher
of the Izhevsk branch of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: docmedsb@mail.ru

Пономарев Сергей Борисович,
д-р мед. наук, профессор,
главный научный сотрудник,
филиал (г. Ижевск) Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: docmedsb@mail.ru

ТРИАДА «АРХЕТИП — ТОТЕМ — ТАБУ» В ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

ARCHETYPE — TOTEM — TABOO TRIAD IN THE PRISON SUBCULTURE

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

Статья посвящена анализу триады «архетип — тотем — табу», существующей в тюремной субкультуре. Показано, что тюремная субкультура является социорегулятивной системой, распространяющей свое влияние на лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В условиях изоляции от общества и вовлечения человека в тюремную субкультуру человек испытывает постоянный дефицит поступления объективной информации об окружающей

действительности, у него происходит сужение кругозора, примитивизация потребностей, снижение интеллекта, изменяется ценностная ориентация. Тюремной субкультуре присущи такие явления, свойственные примитивным культурам, как наличие сложной системы тюремных тотемов и табу, являющейся проявлением комплекса преступных архетипов. При этом общим свойством первобытного и тюремного обществ является примитивное, магическое

восприятие мира. Цель работы — дать оценку значения и роли присущей тюремной субкультуре триады «архетип — тотем — табу» в формировании личности осужденного. Раскрыты общие принципы образования тюремных тотемов и табу. Дан перечень архетипов, которые реализуются в поведении носителей тюремной субкультуры и проявляются через систему тотемов и табу. В статье рассмотрены некоторые виды тюремных тотемов, в соответствии с которыми заключенные формируют свое поведение в условиях отбывания наказания. Приведена классификация тюремных табу. Показано, что особую роль в формировании тюремных табу играют различные виды магии (имитативная, контагиозная и др.). Практическая значимость статьи заключается в осмыслении происходящих в тюремной субкультуре процессов с возможностью последующего принятия управленческих решений, направленных на борьбу с тюремной субкультурой.

The article is devoted to the analysis of the “archetype — totem — taboo” triad existing in the prison subculture. It is shown that the prison subculture is a socio-regulatory system that spreads its influence on persons serving sentences of imprisonment. In conditions of isolation from society and the involvement of a person in the prison subculture, they experience a constant lack of objective information flow about the surrounding reality, their horizons narrow, primitivize their needs, their intelligence decreases, and their value orientation changes. The prison subculture is characterized by such phenomena inherent in primitive cultures as the presence of a complex system of prison totems and taboos, which is a manifestation of a complex of criminal archetypes. At the same time, a common property of primitive and prison societies is a primitive, magical perception of the world. The purpose of the work is to assess the significance and role of the triad “archetype — totem — taboo” inherent in the prison subculture in shaping the personality of a convict. The general principles of the formation of prison totems and taboos are revealed. There is given a list of archetypes that are realized in the behavior of the carriers of the prison subculture and are manifested through the system of totems and taboos. The article examines some types of prison totems, in accordance with which prisoners form their behavior in terms of serving a sentence. The classification of prison taboos is given. It is shown that various types of magic (imitative, contagious, etc.) play a special role in the formation of prison taboos. The practical significance of the article lies in the comprehension and analysis of the processes taking place in the prison subculture with the possibility of subsequent management decisions aimed at combating the prison subculture.

Ключевые слова: тюремная субкультура, архетип, тотем, табу, имитативная магия, контагиозная магия, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы, мифология.

Keywords: prison subculture, archetype, totem, taboo, imitative magic, contagious magic, penitentiary system, places of imprisonment, mythology.

Введение

Общезвестно, что российская тюремная субкультура является уникальным культурным феноменом, который не имеет аналогов в других странах [1—3]. Она характеризуется тем, что имеет развитую систему моральных

и поведенческих установок, обычаев и мировоззрения [4—7], что не может не сказаться на трудностях в перевоспитании преступника [8—10]. Это определяет **актуальность** рассматриваемой в статье проблемы. Тюремной субкультуре присущи признаки социорегулятивной системы, функцией которой является установление норм и регламентации поведения индивида путем навязывания ему ритуально-традиционных норм, присущих соответствующему социуму [6, 11, 12]. Указанное роднит тюремную субкультуру с архаическим обществом [2, 13, 14], и криминальное поведение имеет ярко выраженную архетипическую окраску [15]. Поэтому тюремной субкультуре присущи такие явления, свойственные примитивным культурам, как наличие сложной системы тюремных тотемов и табу, мыслимых как специфические эманации комплекса преступных архетипов. Однако в литературе встречаются лишь единичные исследования, посвященные данной проблематике, изучающие лишь отдельные аспекты рассматриваемого в статье феномена «архетип — тотем — табу» [15, 16], что определяет **научную новизну** проблемы и **целесообразность** ее исследования.

Цель работы — дать оценку значения и роли присущей тюремной субкультуре триады «архетип — тотем — табу» в формировании личности осужденного. **Задачи** исследования: 1) показать роль социальной депривации и криминального мировосприятия в актуализации проявления архетипов в условиях доминирования тюремной субкультуры; 2) разработать классификацию тюремных тотемов и табу; 3) показать роль магического восприятия мира при формировании тюремных табу; 4) оценить негативное воздействие существующей системы тюремных табу и тотемов на личность осужденного.

Основная часть

Теоретическое обоснование исследования. Известно, что, находясь в условиях искусственной социальной депривации, личность испытывает постоянный дефицит поступления объективной информации об окружающей действительности, у человека происходит сужение кругозора, примитивизация потребностей, снижение интеллекта [1, 17]. Деградация информационно-коммуникативных связей в микросоциуме приводит к трансформации базовых культурных ценностей и морали [6, 18]. Как считает Ю. М. Антонян, в результате длительного пребывания в закрытом сообществе из глубин подсознательного всплывают дремлющие под многообразными культурными наслоениями первичные архетипы, проявляющиеся в комплексе поведенческих стереотипов, близких к первобытным [15].

Поэтому общим свойством первобытного и тюремного обществ является примитивное, магическое восприятие мира [16]. Отличительными особенностями тюремного общества, роднящего его с архаичным социумом, являются: 1) персонификация отношений; 2) отсутствие границ между частной и публичной жизнью; 3) наличие специфических норм поведения и ценностей; 4) наличие стратификационной кастовой системы [14].

Сходство мифологии тюремной субкультуры и архаической мифологии выражается в том, что для них является общим появление следующих свойств [16]: 1) анимистические формы, зооморфные и антропоморфные образы; 2) тотемистические мотивы; 3) фетишистские мотивы; 4) элементы симпатической и контагиозной магии; 5) развитая система специфической мифологии.

Указанное требует обращения к феноменологии архетипа при анализе тюремной субкультуры, так как мифологические представления являются стержнем любой культуры, определяют основные направления ее развития [16, 19]. Анализ архетипа в контексте с его проявлениями в виде тотемов и табу в условиях мест лишения свободы позволил сформировать концепцию тюремной триады «архетип — тотем — табу» [14]. Основным подходом в этих исследованиях был аксиоматико-дедуктивный метод, предполагающий логический вывод результатов из комплекса уже имеющихся данных.

Результаты и обсуждение. Проявления архетипов в виде системы табу и тюремных тотемов в тюремной субкультуре носят многоаспектный характер и отражают глубинную суть данного социокультурного феномена. Нами признается доминирование в условиях мест лишения свободы следующих архетипов: «Ночь», «Тень», «Отражение», «Зверь», «Чужой», «Враг», «Справедливый разбойник», «Злодей», «Великая мать», «Смерть» [14, 15]. В соответствии с эманациями этих архетипов строятся тюремные коммуникативные законы людей, вовлеченных в тюремную субкультуру. Указанные архетипы реализуются в местах лишения свободы через сложную систему тотемических символов и табу [20].

Известно, что в первобытном обществе у каждого племени был свой тотем, животное, от которого вели род, которому поклонялись и которое символизировало идеал данного племени [21]. Человек напрямую идентифицировал себя с тотемным животным, так как считалось, что для того, чтобы стать полноценной личностью, нужно было походить на мифическую модель. Сходная идентификация происходит в местах лишения свободы через татуировки, изображающие символы, олицетворяющие идеал преступника. В качестве животных-тотемов, образы которых наносятся на тело лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, можно выделить татуировки членистоногих (жук, муравей, паук, скорпион, бабочка), млекопитающих (волк, барс, тигр, лев, медведь, кот, пантера, олень, бык), обитателей воздуха (орел, летучая мышь, сова, филин), а также таких животных, как змея, акула, дракон и др. [14]. Каждому из этих символов соответствует своя функция, проявляющаяся через сигнификацию поведения преступников. Жизненные установки лиц, отбывающих наказание, строятся в соответствии с теми характеристиками, которые присущи указанным тотемам. Так, обладатели татуировки «Оскал» относятся, как правило, к лидерам отрицательной направленности. Имеющие на теле татуировку «Ликантроп» отличаются жестокостью, силой воли и независимостью. Обладатели изображения паука в паутине — это загубившие свое здоровье и судьбу наркоманы. «Кот-крадун» отмечает квартирных воров, лиц, склонных к артистизму, эlegantности, красивой жизни. Существует сложная система кодировки черт характера, преступной специализации и положения заключенного в негласной стратификационной структуре тюремного сообщества, выражаемая через тюремные тотемы.

Многочисленные тюремные табу (табу на общение с «опущенными», на тюремные полотенца, красный цвет, колбасу и т. п.) можно классифицировать следующим образом: табу на грязь, табу на пищу, табу на территорию, табу на плевки, табу на слова, табу на поднятие вещи [14].

Как и в первобытном обществе, нарушение табу строго карается: в лучшем случае нарушитель подвергается физическому насилию, в худшем — переводится в презираемые касты «чертей», «чушковых» и «петухов». При этом, как и в примитивных сообществах, табу носит с первого взгляда иррациональный характер. Так, например, нельзя пить воду непосредственно из-под крана, употреблять в пищу бананы, говорить слово «спасибо», поднимать оброненную вещь и т. п.

В механизме образования табу особую роль играют различные виды магии. Тут можно выделить имитативную (гомеопатическую, симиальную) и контагиозную (парциальную) разновидности магии [14, 22]. Кроме того, в тюремных обычаях можно обнаружить также и элементы трансмиссивной, апотропетической и катартической магии. Так, примером имитативной магии является тюремное табу на красный цвет, так как им отмечены «красные масти» «козлов» и «петухов» [14]. На принципах контагиозной (парциальной) магии основаны многочисленные табу на общение с представителями тюремной страты «петухов». «Перейти в эту касту можно легко и неосторожно, просто прикоснувшись к „петуху“, взяв у него какую-то вещь, сев за „петушиный“ стол в столовой или на „петушиный“ стул в медчасти или парикмахерской и т. п.» [13, с. 52].

Естественно, что длительное пребывание в мире тюремных табу и тотемов накладывает негативный отпечаток на личность осужденного, формирует специфические стереотипы поведения, которые не исчезают и после освобождения, мешая ресоциализации [6, 10, 23, 24]. Поведенческие установки, сформированные в местах лишения свободы, не способствуют исправлению осужденного, затрудняют постпенитенциарную реабилитацию, нередко толкая человека, вовлеченного в тюремную субкультуру, на новые преступные деяния после отбытия срока наказания. Поэтому знания о сущности и проявлениях триады «архетип — тотем — табу» в повседневной жизни осужденных являются неопределимыми в борьбе с проявлениями тюремной субкультуры.

Выводы

Общие принципы образования тюремных тотемов и табу соответствуют таковым, существующим в закрытых и примитивных человеческих сообществах. Доминирующими элементами, формирующими триаду «архетип — тотем — табу» в условиях мест лишения свободы, являются криминальное мировосприятие и социальная депривация.

В исследовании были рассмотрены основные присущие носителям тюремной субкультуры архетипы, которые проявляются в тюремной субкультуре через тотемы и табу. В статье приведен опыт систематизации тюремных тотемов, в соответствии с которыми заключенные формируют свое поведение в условиях отбывания наказания.

Среди тюремных табу можно выделить табу на грязь, табу на пищу, табу на территорию, табу на плевки, табу на слова, табу на поднятие вещи. Особую роль в формировании тюремных табу играют различные виды магии (имитативная, контагиозная и др.).

Пребывание в мире тюремных табу и тотемов накладывает негативный отпечаток на личность осужденного, затрудняет процесс исправления и постпенитенциарную реабилитацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузьмин С. И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 3. С. 9—16.
2. Шестак В. А. Тюремная субкультура как культурологический феномен в России // Образование и право. 2019. № 1. С. 24—27.
3. Piacentini L., Pallot J. “In Exile Imprisonment” in Russia // *British Journal of Criminology*. 2014. No. 1(54). Pp. 20—37.
4. Барабанов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1-4). № 2. С. 164—327.
5. Громов В. Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект // Теология. Философия. Право. 2017. № 2. С. 44—57.
6. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 671—681.
7. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // *Theoretical Criminology*. 2015. No. 2(19). Pp. 179—197.
8. Афиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 156 с.
9. Белоус В. Г., Голодов П. В. О проблемах пенитенциарной педагогики // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 164—169.
10. Макаров В. В. Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности // Российский следователь. 2014. № 4. С. 40—42.
11. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13. № 1. С. 21—28.
12. Foucault M. *Surveiller et punir: naissance de la prison*. Paris : Gallimard, 1975. 328 p.
13. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем. Ижевск : Изд-во ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2017. 144 с.
14. Пономарев С. Б. Анализ триады «архетип — тотем — табу» в пенитенциарной субкультуре. Ижевск : Изд-во ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2021. 160 с.
15. Антонян Ю. М. Архетип и преступность. М. : Вече, 2009. 448 с.
16. Письменный Е. В. Социокультурная сущность и динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2012. 20 с.
17. Афиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 156 с.
18. Барабанов Н. П., Михайлин В. В. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3(21). С. 16—23.
19. Юнг К. Г. Архетип и символ / Пер. М. : Канон, 2015. 214 с.
20. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / Пер. М. : Азбука, 2018. 256 с.
21. Элиаде М. Избранные сочинения. Образы и символы / Пер. М. : Ладомир, 2017. 410 с.
22. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь / Пер. М. : Азбука-Аттикус : КоЛибри, 2018. 702 с.
23. Whitfield J. Other neoliberal penalties: Marching Powder and prison tourism in La Paz // *Theoretical Criminology*. 2016. No. 3. Pp. 358—375.
24. Zedner L. Penal subversions: when is a punishment not punishment, who decides and on what grounds? // *Theoretical Criminology*. 2016. No. 2. Pp. 3—20.

REFERENCES

1. Kuzmin S. I. Formation and development of criminal subculture in Russia. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2018, no. 3, pp. 9—16. (In Russ.)
2. Shestak V. A. Prison subculture as a cultural phenomenon in Russia. *Education and Law*, 2019, no. 1, pp. 24—27. (In Russ.)
3. Piacentini L., Pallot J. “In Exile Imprisonment” in Russia. *British Journal of Criminology*, 2014, no. 1(54), pp. 20—37.
4. Barabanov N. P. Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts. *Man: crime and punishment*, 2017, vol. 25(1-4), no. 2, pp. 164—327. (In Russ.)
5. Gromov V. G. Russian criminal subculture: a philosophical aspect // *Theology. Philosophy. Law*. 2017. no. 2. pp. 44-57.
6. Ivanova A. A. Criminal culture as a determinant of crime. *Russian Journal of Criminology*, 2017, no. 4, pp. 671—681. (In Russ.)
7. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, 2015, no. 2(19), pp. 179—197.
8. Afinogenov V. A. *Subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation. Diss. of the Doc. of law*. Saratov, 2016. 156 p. (In Russ.)
9. Belous V. G., Golodov P. V. On the problems of penitentiary pedagogy. *The World of Politics and Sociology*, 2016, no. 3, pp. 164—169. (In Russ.)
10. Makarov V. V. Criminal subculture as an internal source of crime reproduction. *Russian Investigator*, 2014, no. 4, pp. 40—42. (In Russ.)

11. Kuzmin S. I., Maletina E. A. Classification of subcultural relations in the criminal community. *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 21—28. (In Russ.)
12. Foucault M. *Surveiller et punir: naissance de la prison*. Paris, Gallimard, 1975. 328 p.
13. Ponomarev S. B. *Criminal subculture from the perspective of human ethology and systems theory*. Izhevsk, ISTU Publ. House, 2017. 144 p. (In Russ.)
14. Ponomarev S. B. *Analysis of the triad “archetype — totem — taboo” in the penitentiary subculture*. Izhevsk, ISTU Publ. House, 2021. 160 p. (In Russ.)
15. Antonyan Yu. M. *Archetype and criminality*. Moscow, Veche, 2009. 448 p. (In Russ.)
16. Pismenny E. V. *Sociocultural essence and dynamics of the mythology of the prison-thief subculture. Abstract of Diss. of the Cand. of Culturology*. Chelyabinsk, 2012. 20 p. (In Russ.)
17. Afinogenov V. A. *Subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation. Diss. of the Doc. of Law*. Saratov, 2016. 156 p. (In Russ.)
18. Barabanov N. P., Mikhailin V. V. Conceptual characteristics of the criminal subculture of convicts. *The theory of penal law*, 2015, no. 3(21), pp. 16—23. (In Russ.)
19. Jung K. G. *Archetype and symbol*. Trans. Moscow, Kanon, 2015. 214 p. (In Russ.)
20. Freud Z. *Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion*. Trans. Moscow, Azbuka, 2018. 256 p. (In Russ.)
21. Eliade M. *Selected works. Images and symbols*. Trans. Moscow, Lodomir, 2017. 410 p. (In Russ.)
22. Fraser D. D. *The Golden Branch*. Trans. Moscow, Azbuka-Atticus, KoLibri, 2018. 702 p. (In Russ.)
23. Whitfield J. Other neoliberal penalties. Marching Powder and prison tourism in La Paz. *Theoretical Criminology*, 2016, no. 3, pp. 35—375.
24. Zedner L. Penalty subversions: when is a punishment not punishment, who decides and on what grounds? *Theoretical Criminology*, 2016, no. 2, pp. 3—20.

Как цитировать статью: Пономарев С. Б. Триада «архетип — тотем — табу» в тюремной субкультуре // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2 (55). С. 210—214. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.254.

For citation: Ponomarev S. B. Archetype — totem — taboo triad in the prison subcultures. *Business. Education. Law*, 2021, no. 2, pp. 210—214. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.254.

УДК 342
ББК 67.401.13

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.250

Stepenko Valery Efremovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Director of School of Law,
Pacific National University,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: 003177@pnu.edu.ru

Степенко Валерий Ефремович,
д-р юрид. наук, доцент,
директор Юридического института,
Тихоокеанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: 003177@pnu.edu.ru

Morozov Vitaly Evgenyevich,
Legal Adviser,
Pacific National University,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: myself007@mail.ru

Морозов Виталий Евгеньевич,
юрисконсульт,
Тихоокеанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: myself007@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

THE EVOLUTION OF ADMINISTRATIVE LAW STATUS OF FEDERAL EXECUTIVE AGENCIES

12.00.14 — Административное право; административный процесс

12.00.14 — Administrative law; administrative process

В статье анализируется понятие и структура административно-правового статуса федеральных органов исполнительной власти. В проведенном исследовании учтены мнения советских и российских ученых о правовом статусе органов государственного управления. Делается вывод о понятии административно-правового статуса как политико-правовой категории, соединяющей политические, управленческие и

правовые начала. Например, авторы констатируют наличие обязательных блоков административно-правового статуса и анализируют их отличия. Принимая во внимание доктринальные исследования теоретических основ правового статуса исполнительного органа в системе федерального управления, статья обозначает современные ориентиры развития федеральных органов исполнительной власти. Авторы обращают